

Идеология versus рациональность – новое поле современных исследований В. В. Бурсевич¹

Мыслители, уже начиная с эпохи Древней Греции, понимали осознанное поведение в качестве главного критерия человеческого бытия: в результате человек, неспособный представить явления реальности перед универсальным судом собственного интеллекта, неспособный держать в рациональной узде свое тело, эмоции и поведение, уподоблялся спящему. Эта убежденность в силе рациональности господствовала на протяжении столетий, достигла своего пика в Новое время и, не смотря на то, что в современную эпоху претензии на полную рационализацию повседневной жизни неоднократно терпели крах в практической сфере и развенчивались в сфере теоретической, тем не менее, термин «рациональность» по-прежнему обладает мистической силой и воздействием как на обывателя, так и на интеллектуала, оставаясь своеобразным феноменом-мерой, в сравнении с которым иные явления обретают свой вес и значимость или лишаются таковых: так, не выдерживая конкуренции в борьбе за титул наиболее значимых явлений культуры, на фоне научной рациональности меркнут и мифы, и предрассудки, и религия.

Следует отметить однако, что, не смотря на такое неравномерное распределение ценности, исследовательские интересы все чаще перемещаются на сферу повседневности и сопутствующие феномены, представляющие квинтэссенцию нерациональности, аффективности, спонтанности. В этом контексте и возникает понятие идеологии, которое долгое время признавалось синонимом «ложного сознания», фиксирующего извращенную репрезентацию мира и противостоящего трезвому взгляду на мир. Практически излишне напоминать, что учение, сформировавшее оппозицию идеология / подлинная реальность, вряд ли само может быть названо идеологически нейтральным. Тем не менее, положение, что идеологическому (читай «искаженному и далекому от рациональной объективности») противостоит некий подлинный взгляд на мир, выражающийся в первую очередь в близоруком, но незаинтересованном взоре ученого, долгое время оставалось непоколебимым. А меж тем, слабым местом этой конструкции является именно скрытая уверенность в том, что возможно построение некой зеркальной и неискаженной картины мира. Напротив, человек существует в пространстве (географическом, социальном, культурном) и, естественно, структурирует, воспринимает и действует в нем в соответствии с тем местом, которое занимает в этом пространстве; чтобы охватить абсолютным взором реальность нужно, как максимум, быть Богом, а как минимум, отбросить все «человеческое, слишком человеческое». К тому же идеологическая картина мира оказывается важной и с функциональной

¹ Бурсевич, В.В. Идеология versus рациональность – новое поле современных исследований / В.В. Бурсевич // Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира: материалы Международной научной конференции, Минск, 22-23 октября 2009. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – С. 98 – 100.

точки зрения, как пишет известный социолог К. Манхейм: «образование смысловых значений, будь то истинных или ложных, играет необходимую роль – оно социализирует события для группы. Мы принадлежим к группе не только от рождения, не только потому, что заявляем о своей принадлежности к ней, ... а прежде всего потому, что смотрим на мир и на ряд явлений мира так же, как она»[1, с. 24].

Таким образом, тот комплекс идей о реальности, который именуется идеологией, интересует нас не как продукт политической манипуляции и вне соотнесенности с эпитетами истинный / ложный. Под идеологией мы понимаем феномен, не только обладающий определенной ценностью, но, по большому счету, неотчуждаемый и неизбежный в рамках социального мира. Под идеологией здесь понимается совокупность идей, норм и ценностей, призванных легитимировать положение социальной группы в рамках системы общественного устройства, определить ее место наряду с иными группами и репрезентировать лишь ей присущий способ видения мира. Иными словами, идеология предстает как способ идентификации и самосознания группы, обладающий реальной действенной силой и репрезентированный на уровне индивидуального сознания, а еще точнее бессознательного, и выраженный в особенностях повседневного поведения. Могут возразить, что подобная постановка вопроса расширяет понятие идеологии и уводит от критического ее рассмотрения. Бессмысленно отрицать тот факт, что идеология может быть использована властными структурами. Но наша задача – показать, что не только манипуляцией сознанием масс роль идеологии ограничивается. На наш взгляд, подобный подход тем более корректен для анализа современного общества, где разрушение метанарраций и предшествующих систем легитимации, основанных на понятии абсолюта, приводит не к полному исчезновению идеологий, но, напротив, к версификации культур, традиций и идеологических систем.

Мы понимаем идеологию не как антирациональность (тем более, что сам термин «рациональность» уже давно стал своеобразной идеологией исследователя, легитимирующей и создающей алиби его жизни и деятельности) и не как сконструированную рациональность властных групп, но как некую особую коммуникативную рациональность, как способ мышления и существования в повседневности, который посредством норм, ценностей, категорий, детерминированных и вырастающих из исторического опыта группы, позволяет индивидам сосуществовать в обществе. Таким образом, оппозиция «идеология versus рациональность» не является непримиримым противоречием, но призвана лишь указать на новую сферу исследований: необходимо изучить, как социальные позиции влияют на содержание и форму идей и наоборот. Однако делать это следует, не давая однозначных оценок идеям, не забывая, что и позиция исследователя (как бы ему ни хотелось иного) не является совершенно нейтральной, а кажущиеся ему универсальными ценности, скорее всего, являются ценностями социальной группы, с которой исследователь себя идентифицирует.

Литература

1. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М., 1995.